

АЙЯМА И ТЕРНОВЫЙ ЛЕС

Земенская сказка

6

ЛИС-УМНИК

Равкианская сказка

56

ВЕДЬМА ИЗ ДУВЫ

Равкианская сказка

84

НОЖИЧЕК

Равкианская сказка

122

ПРИНЦ-СОЛДАТ

Керчийская сказка

148

КОГДА ВОДА ЗАПЕЛА ОГНЕМ

Фьерданская сказка

196

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

284

АЙЯМА
И
ТЕРНОВЫЙ ЛЕС

В ТОТ ГОД ЛЕТО НИКАК НЕ ХОТЕЛО УХОДИТЬ.

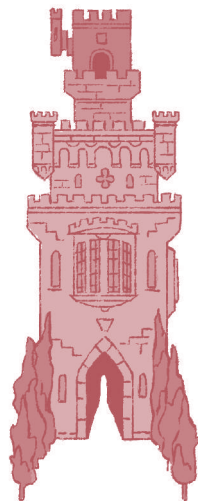
Жара придавила долину тяжестью обмякшего трупа. Безжалостное солнце испепеляло высокие травы, животные замертво падали в выжженных полях. В тот год радовались только мухи, а королеве западных земель он принес беду.

Все знают историю, как королева стала королевой — как, несмотря на лохмотья и низкое происхождение, пленила юного принца своей красотой и оказалась во дворце, где ее одели в шелка и вплели в волосы нити с драгоценными камнями; как всем велели преклонить колени перед той, что вчера ходила в прислугах.

В те времена принц еще не взошел на трон, был отчаян, безрассуден и дерзок и каждый день отправлялся охотиться верхом на рыжем коне, которого объездил сам. Вместо того, чтобы заключить брак, выгодный для королевства, он назло отцу выбрал в жены простолюдинку. Королева-мать давно умерла, а в одобрении придворного Совета принц не нуждался.

Народ его выходка позабавила, красавица-невеста всем пришлось по нраву, так что поначалу у молодоженов все шло хорошо. Жена подарила принцу круглощекое первенца; младенец весело агукал в колыбельке, и всеобщая любовь к новой принцессе росла день ото дня.

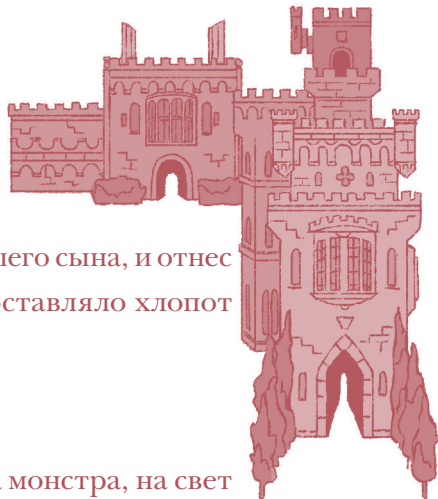
Незадолго до того страшного лета старый король умер. Бесшабашного наследника престола короновали, королева понесла во второй раз, а дожди по всей стране прекратились. Река пересохла, обнажив каменистую

полосу дна, колодцы наполнились песком и пылью. Каждый день королева, тяжело неся большой живот, поднималась на стену замка и молилась о том, чтобы ребенок вырос мудрым, сильным и красивым, а паче всего — о том, чтобы спасительный ветер охладил ее кожу и облегчил страдания.

В ночь, когда родился второй королевский отпрыск, в небе взошла полная луна — темная, как старый струп. Вокруг дворца собрались койоты — они выли, царапали когтями стены, а стражника, посланного их отогнать, разорвали на части. Возбужденный лай койотов заглушил вопли ужаса королевы, узревшей существо, что с пронзительным криком вышло из ее чрева. Новорожденный принц более походил на волчонка, нежели на мальчика: все его тельце от макушки до когтистых ступней было покрыто гладкой черной шерстью, глаза были красные, точно кровь, на голове виднелись два бугорка — зачатки рогов.

Король не хотел прослыть первым в стране сыноубийцей, однако держать это жуткое создание во дворце было нельзя. И вот он созвал всех самых толковых министров и инженеров и велел выстроить позади дворца огромный лабиринт. Сооружение тянулось на несколько миль, до самой рыночной площади, закручиваясь спиралью из многих и многих витков. На возведение лабиринта ушли годы, и половина рабочих, занятых на строительстве, бесследно сгинула в его стенах. Когда все было готово, король вошел

в детскую, отпер клетку, где держал младшего сына, и отнес в лабиринт, дабы чудовище более не доставляло хлопот своей матери и всему королевству.

* * *

Тем же летом, когда королева родила монстра, на свет появился еще один младенец. Кима была из бедной крестьянской семьи. Урожая с клочка земли, который обрабатывали ее родители, едва хватало на пропитание. С первым своим вздохом новорожденная не закричала, но звонко запела, и в то же мгновение небеса разверзлись и на землю хлынул дождь, положивший конец долгой засухе.

В тот день природа воскресла. Говорили, что там, где ступала нога Кимы, тотчас начинало пахнуть молодой зеленью. Девушка была высокой и гибкой, словно молодая липа, и двигалась с такой грацией и легкостью, что становилось почти страшно — а ну как эту пушинку сдует ветром?

Шелковая кожа Кимы светилась изнутри мягким медовым сиянием — точь-в-точь как горы в нежный час перед закатом; водопад густых черных кудрей, которые она не закалывала, обрамлял лицо, как распустившиеся цветы.

Жители города были уверены, что такая дочка — истинное благословение для родителей, ведь ей наверняка суждено выйти замуж за богача, может быть даже за самого принца, и обеспечить отцу с матерью безбедную старость. Однако всего год спустя боги послали семье вторую дочь и сделали это будто в насмешку: по мере того, как девочка росла,

становилось ясно, что она напрочь лишена тех достоинств, каковыми в избытке обладала Кима. Айяма была неуклюжей и криворукой, ходила вперевалку, а ее плотная приземистая фигура напоминала пивную кружку. Если голос Кимы был певучим и умиротворяющим, как тихий дождик, то от резких скрипучих звуков, что издавала Айяма, сводило зубы и хотелось бежать прочь. Родители стеснялись младшей дочери и велели ей поменьше разговаривать. Ее держали в четырех стенах, заставляли делать всю домашнюю работу и отпускали пройтись только до реки и обратно — и то лишь для того, чтобы перестирать белье.

Оберегая покой Кимы, родители приказали Айяме спать подле очага на кухне, бросив на теплые каменные плиты соломенный тюфяк. От спанья на такой постели волосы девушки скоро разлохматились, кожа пропиталась золой, смуглое лицо сделалось пепельно-серым. Робко, боясь оскорбить остальных своим видом, она прошмыгивала из одной тени в другую. Мало-помалу люди и вовсе забыли, что в семье растут две дочери, и стали считать Айяму обычной служанкой.

Кима не раз пыталась заговорить с сестрой, но стоило ей приблизиться к Айяме, как родители, прочившие старшую дочку в жены богачу, тут же звали ее обратно — дескать, нужно торопиться в школу или на урок танцев. Днями напролет Айяма молча трудилась на кухне, а поздним вечером пробиралась к кровати Кимы, брала сестру за руку и слушала сказки, которые рассказывала бабушка. Голос дряхлой Ма Зиль убаюкивал, однако, едва догорали свечи,

как старуха расталкивала бедняжку Айяму своей клюкой и отправляла назад к очагу, покуда мать с отцом не прознали, что она тревожит сон сестры.

Шли годы. Айяма гнула спину на кухне, Кима расцветала все краше, королева растила старшего сына в замке на высоком утесе и на ночь затыкала ему уши комочками шерсти, чтобы он не слышал жалобный вой младшего, доносившийся снизу. Король пошел войной на восточных соседей, но потерпел поражение. Как обычно, люди роптали, когда правитель вводил новые налоги или забирал их сыновей в армию, жаловались на погоду, ждали дождей.

И вот одним ясным утром горожан разбудил раскат грома. В небе не было ни облачка, и все же от грохота с крыш посыпалась черепица, а ковьявший по дороге старик отлетел в канаву, где ему пришлось пролежать два часа, пока сыновья его не вытащили. К этому времени все уже знали, что причиной грома была не гроза. Чудовище вырвалось из лабиринта и своим ревом сотрясло городские стены и окрестные горы.

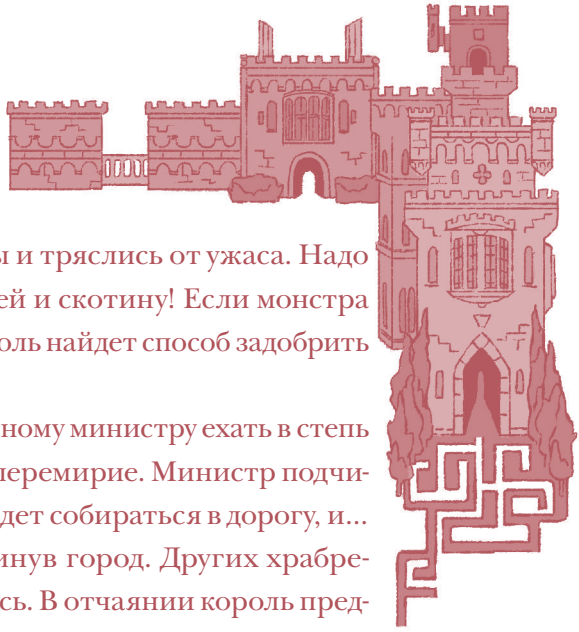
Люди тотчас перестали ворчать по поводу налогов, плохого урожая и войны. Теперь их страшил монстр, который может ворваться в дом и всех сожрать. Они запирали двери на засовы и точили ножи, не выпускали детей на улицу и жгли свечи до самого утра.

Так или иначе, но жить в непрерывном страхе невозможно. Шли дни, чудовище не объявлялось, и народ начал подумывать, что зверь избрал для своей жестокой охоты

другую местность. А потом Болан Беди отправился в долину осмотреть стада на выпасе и обнаружил, что скотина пере-резана, а трава в западных полях залита кровью. Как выяснилось, пострадал не он один. Молва о бойне ширилась; отец Айямы, тоже отправившийся проверить свое стадо, возвратился с леденящим душу рассказом о новорожденных телятах, у которых были оторваны головы, и вскрытых от шеи до паха овцах, чья белоснежная шерсть сделалась бурой от крови. Только монстр мог натворить столько бед за одну ночь.

Жители западной долины не считали своего правителя героем: ну, а что — войну проиграл, жена-простушка, да и до земных благ большой охотник. Теперь же они переполнились гордостью: монарх поклялся защитить свой народ и разделаться со своим диким отпрыском раз и навсегда. Король собрал большой охотничий отряд и направился в степь, где, как предполагали министры, находилось логово зверя, а для сопровождения взял дворцовую гвардию. Взбивая дорожную пыль, сотня солдат маршировала по главному тракту. Впереди шагал капитан в сияющих латных рукавицах из бронзы. Через кухонное окошко Айяма видела, как они проходили, и восхищалась их мужеством.

Наутро, когда горожане пришли на рыночную площадь, чтобы вести торговлю, их взорам предстало кошмарное зрелище: в самом центре площади, у колодца, в высокую кучу — точно плавник, собранный на берегу, — были сложены кости сотни солдат. Поблескивая на солнце, башню из костей венчали латные рукавицы капитана.

Пришедшие утирали слезы и тряслись от ужаса. Надо придумать, как защитить людей и скотину! Если монстра нельзя уничтожить, пускай король найдет способ задобрить своего младшего сына.

Король приказал самому умному министру ехать в степь и там заключить с чудовищем перемирие. Министр подчинился приказу, сказал, что пойдет собираться в дорогу, и... задал стрекача, навсегда покинув город. Других храбрцов-переговорщиков не нашлось. В отчаянии король предложил три сундука золота и тридцать рулонов шелка тому, кто выступит его посланником. Вечером в домах жителей велось много разговоров.

— Надо уезжать отсюда, — сказал отец Айямы, когда семья собралась за ужином. — Видели эту грудку костей? Если король не умиловит чудовище, оно непременно явится за нами.

— Да, — согласилась мать Айямы. — Двинемся на восток и выстроим новый дом на побережье.

Ма Зиль сидела на своей скамеечке и жевала сушеные цветки юрды. Старой женщине не хотелось отправляться в дальний путь.

— Пошлите к зверю Айяму, — сказала она и плюнула в огонь.

Повисла долгая тишина, нарушало которую лишь потрескивание пламени. Несмотря на жар очага, Айяму, прокаливавшую на сковороде пшено, бросило в озноб.

Мать Айямы будто вспомнила, что долг обязывает ее воспротивиться, и промолвила:

— Нет, нет. Как бы тяжело ни было с Айямой, она моя дочь. Лучше переберемся на восток.

— Да вы только поглядите на ее грязное платье и спутанные косы, — вмешался отец. — Разве такая годится в королевские посланницы? Чудовище пузо надорвет от смеха и немедля прогонит ее прочь.

Айяма не знала, способны ли монстры смеяться, но обдумать эту мысль не успела: Ма Зиль опять плюнула в огонь и сказала:

— Чудовище — это дикий зверь, что ему до пышных нарядов или смазливой мордашки! Айяма выступит как посланница короля, мы разбогатеем, и Кима сможет найти себе партию получше, чтобы нам хватило денег на всю жизнь.

— А если монстр ее сожрет? — со слезами на прекрасных глазах спросила добрая Кима.

Айяма благодарно посмотрела на сестру. Она и сама отчаянно хотела возразить против бабушкиного плана, но родители так долго приучали ее молчать, что слова давались девушке с большим трудом.

Ма Зиль небрежно отмахнулась.

— Тогда мы поплачем над ее костями, зато денежки останутся при нас.

Отец с матерью молчали, стараясь не смотреть на Айяму. Им уже грезились огромные сундуки с королевским золотом.

Всю ночь Айяма ворочалась на жестком полу у очага, не смыкая глаз. Старая Ма Зиль подошла к ней и коснулась щеки мозолистой рукой.

